

Ольга Апреликова

ГОРОД ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Посмотри в глаза чудовищ

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А77

Дизайн обложки:
Екатерина Оковитая

Иллюстрация на обложке:
Диана Бигаева

ISBN 978-5-17-163164-2 © Ольга Апреликова, текст, 2024
© Диана Бигаева, ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я обращаюсь к тебе, дорогой читатель!

Хотя эта книга и написана в жанре фолк-хоррора или мистического фэнтези, она не совсем сказка. Даже совсем не сказка, скажу прямо.

Она про Урал, край сам по себе волшебный, где лучший реалист — Бажов.

Она в значительной мере про геологов, волшебников своей науки. И насколько это возможно для художественного произведения, совершенно точна и реалистична в отношении спелеологии, карстологии и геологии.

Но в то же время она про то, что наш мир посевсерному многослоен, что мы обитаем в суровом мидгарде, под которым в недрах хельхейма спят чудовища, и сокровища, и древние боги манси. Однако над нами — асгард, где живет любовь, дарящая всем надежду на лучшее.

Она про людей, про чудовищ и ангелов внутри нас.

И про Урал.

Юрий Долотов,
геолог и спелеолог, РСС

Глава 1

ЦВЕТ «МАЛАХИТ»

1

Со Снегурочкой было что-то не так. С виду правильная, шубка-кокошник, и сама девчонка красивая, длинноногая, и познакомиться бы...

— А, это одноклассница теперь твоя, Богодай, из одиннадцатого «А», — директриса заметила, на кого он смотрит. — Елку репетируют, молодцы, — она глянула на маму: — После каникул жду документы, — керамическая улыбка была адресована и Муру тоже: — Если хочешь, иди в зал к ребятам, познакомишься.

— Спасибо, но нам к нотариусу еще, — мама все нервничала.

Что ей сказать, чтоб наконец успокоилась? По большому счету, Мур ведь на нее не злился.

Снегурочка выпорхнула из дверей актового зала и едва не вцепилась в директрису:

— Ой, а нам бы еще один микрофон, а то...

Глаза зеленые, как весна. А, так вот в чем дело: узоры-то у нее на шубе тоже зеленые. И на кокошнике — зеленые. Цвет не для Снегурочек. Какая ж она, эта одноклассница Богодай... Взять эту зеленоглазую себе и ото всех спрятать.

Богодай вся сверкнула, как изумруд, и снова уставилась на директрису:

— Я у завуча спрошу, можно?

Директриса милостиво кивнула:

— Спроси. Найдут тебе микрофоны. Да, вот новенький в ваш класс, знакомьтесь, — и вновь обратила внимание на маму: — Давайте провожу вас. Вы же понимаете, ситуация нестандартная, и...

От Богодай пахло яблоками. Стоять бы, дышать ею и любоваться. Мур спросил:

— Как тебя зовут, Снегурочка?

— Какая Снегурочка, — засмеялась она. — Не узнал, что ли? Я — Хозяйка Медной горы! Каждый Новый год, с садика еще, всегда я — Хозяйка!

Что-то совсем из детства, зеленое и каменное, замелькало в голове. Но смутно.

— Я не в теме. В Петербурге на елках всё больше Снегурочки. Расскажешь завтра? Во сколько приходиться?

— Откуда-откуда ты? — обомлела девчонка. — Ты что тут — к нам? Что, так бывает, что ли? Оттуда! Зачем?!

— Семейные обстоятельства, — не вываливать же на нее самосвал всех этих его сложностей. — Дочусь тут. С тобой. Слушай, я ляпнул, не подумав, — заторопился он. — Давай утаим, откуда я, а то чего объяснять всем.

— Слишком сложно, — нахмурилась девчонка. И тут же засмеялась: — Ладно, договорились, но, чур, мне ты правду расскажешь! Вот завтра приходи! И если что, ты теперь — мой парень, понял?

— Какая скорость, — восхитился он.

— А что, есть возражения? В Петербурге плачет чье-то верное сердце?

— Какие могут быть возражения под взглядом таких глаз!

— Цвет «малахит», — загадочно усмехнулась девчонка. — До завтра, да? Смотри ж, ты обещал!

Снаружи снега, крыши, деревья стали синие, пахло тоже яблоками — разве зима может так пахнуть? Как Богодай совсем. Странная какая фамилия. Что, эта изумрудная одноклассница так и будет ему мерещиться? Хотя неудивительно, она ведь красивее всех девчонок, которых он видел. Пусть мерещится. Только она-то что в нем увидела? Он ведь обычный.

Снег. Сыпало сверху, мело по белым дорожкам. Какой же синий этот город! Весь день казалось, что они сошли с поезда по ошибке, что реальная жизнь осталась далеко за бесконечно громяющим мостом над белой в синих торосах Камой, на том берегу — а тут что-то совсем другое, колдовское, как сам этот морозный город. Мимо прохромала странная, как из прошлого века, в черной, длинной до земли одежде, старуха — она зачем-то несла старую, в облезающей краске деревянную лыжу — одну. Может, тут в самом деле ведьмы водятся? Одно слово, Пермь. Древность.

— Ну что, родной, не передумал? — спросила мама. — Школа-то так себе. Только что близко ходить.

— Да какая теперь уже разница! — он оглянулся на композицию из прилепившихся друг к другу зданий, двухэтажного старинного и громадного совет-

ского. — Полгода всего учиться, и всё. Не волнуйся. По-моему, мы всё правильно сделали.

— Не уверена. Ну, твой дед, тебе и решать. Наследство.

— Хибарка под снос, — отмахнулся он. — Просто интересно стало. И... Да, я деда пожалел. Он так захотел, чтоб я остался, что сразу это смешное наследство и предложил. Ему одиноко.

— Добрый ты, Мурашка. А наследство не такое уж смешное. Не в хибарке дело, а в том, что под ней. Смотри, это ж практически центр, тут земля уже, поди, диких денег стоит.

— Так ты поэтому не против, чтоб я остался?

— И поэтому тоже. Я... Мне кажется, ты тут... Счастливее будешь. Я ж тоже вижу, как у Петра Петровича глаза светятся. Но... Сложный он человек, скрытный. Вот ты веришь, что он не может позвонить твоему отцу?

— Экспедиция же, — Мур пожал плечами.

— Зимой? — мама поежилась. — Даже тут стужа, а на Северном-то Урале... Все вышки связи перемерзли, что ли?

Мур и сам понимал, что зимой геологи не выезжают. Ищи там ископаемые под снегом и льдом, как олень ягель, ага, в мороз. Даже в самой Перми вон какая доисторическая холодина! В общем, отца в городе нет, документы не подписать, значит, никакой заграницы.

Ну и ладно. Мур и раньше нигде не бывал, кроме дачи. «Обойдетесь», — говорил отчим и улетал куда-нибудь «по работе», а они втроем и мама оставались на шести сотках кормить комаров и поливать редиску. Редиска была невкусная, едкая.

Отчиму с мамой, наверно, сложновато было растить их троих. Мама всегда была грустная, экономила денежки. Вот и сейчас смотрела на все вокруг без улыбки, вроде бы даже с испугом. Когда ждали автобус на остановке, она тихонько сказала:

— Не очень я деду верю. Скрывает он что-то. Может, и на меня в обиде, что тебя увезла. А тебе он потом ту правду, которая ему правдой кажется, раскроет, родному внуку, — она вздохнула. — Кто еще обижаться-то должен.

Подкатил красный автобус с нарисованным на боку медведем, а внутри — народ предновогодний, и кто-то елку на задней площадке везет. И опять эта черная ведьма с лыжей, стоит посреди автобуса, всем мешает. Во рту у нее что-то светится? Да нет, показалось. Окна заиндевели. Мама вдруг, как девчонка, подышала на стекло двери, долго смотрела в дырочку. Через пару остановок они сошли, и мама сказала:

— Ой, а Разгуляй-то сносят.

— Что сносят?

— А казалось, он будет всегда... Вот, райончик у дамбы, весь левый край у лога. Город триста лет назад отсюда начинался.

Мур узнал горстку белых крыш черных домиков, сбившихся на пяточке между современными громадинами и обрывом в лог. Тут живет дед.

— Домишки ветхие. Видишь, как новая застройка прет, город не узнать. Как Петра Петровича домик-то уцелел? Чудо, а то б не нашли никого. И что он не уехал отсюда за столько лет, не пойму. Ждал, наверно, когда эта земля под хибарками золотая станет, — мама все смотрела и смотрела по

сторонам. — Все равно не жалею, что уехала. Надеюсь, тебя-то Урал не сожрет. Меня вон не успел, поперхнулся. И ты насовсем не оставайся. Смотри, в пять нотариат, пока еще можешь передумать, а потом — всё.

— Мам, не передумаю я. У вас там дело долгое, пока устроитесь, пока близнецов в школу, пока язык учить. Деньги не лишние, чтоб на меня еще тратить, на такого лося. Ну и тут интересно же, как в параллельном мире. Все другое. Станный город.

— Ты не представляешь насколько, — усмехнулась мама. Она тоже знала, что без него ей будет легче. Во всех смыслах. — Ладно, твоя жизнь, сам решай, что с ней делать. Большой уже. Может, так оно и к лучшему, себя узнаешь, повзрослеешь. Деньги буду присылать.

Она все нервничала. Как будто боялась этого города. А еще боялась, что Мур ее осудит. Потом он жалел, что не догадался в этот момент остановить ее и обнять. Он бы тоже на ее месте нервничал. Всю его жизнь она скрывала, что отец, оказывается, не умер. Зачем? Что, Мур бросил бы ее из-за какой-нибудь мелкой обиды и помчался к папочке? Что у них там стряслось? Может — он сам и стрялся? Мало ли. И дальше бы скрывала, и он бы принимал все как данность: есть отчим, а отца нет и нет, обычное дело, вон у половины одноклассников отцов днем с огнем не найдешь. Жизнь как жизнь.

Но осенью про отчима вдруг вспомнила китайская фирма, с которой он работал раньше, когда его предприятие проектировало горнопроходческое оборудование, и предложила крутую должность, и можно взять с собой семью — кто ж откажется.

Мама занервничала. Потому что надо паковать чемоданы — а Мур неожиданно стал проблемой. Поскольку ему еще не исполнилось восемнадцати, требовалось разрешение на выезд от родного отца. И мама созналась: у нее не то что свидетельства о смерти нет, но и вообще отец живет своей жизнью на Урале и, видимо, за разрешением придется ехать туда на поиски, а то не дозвониться.

Вот и приехали. И хоть разрешения не добыть, поскольку отец в экспедиции, Мур чуял, что, похоже, приехали не зря — в каком-то еще более важном смысле. Здесь-то он не лишний. Здесь вон у него — родной дед, настоящий, и отец где-то, можно будет с ним потом как-нибудь встретиться.

Случится же когда-нибудь эта встреча. Все эти дни, сперва дома, когда решили ехать, а потом в поезде, провожая глазами черно-белые, будто простым карандашом нарисованные ландшафты за вагонными окнами, Мур жил как в безвоздушном пространстве: зачем ему отец? Считаться теперь с ним. Ладно он сам — пацан, который ничего не знал, но отец-то? Выходит, ему все равно, что есть сын, что нет?

Временами шел снег и окончательно стирал пространства за пределами поезда. В снежном стекле отражались стаканы с рыжим чаем, сверкали ложки и подстаканники с вензелем «РЖД» — мама все пила чай, хрустела горчичными железнодорожными сухариками, наверно, чтоб не нервничать.

И с мамой тоже было много непонятного. Почему она скрывала правду? Он так и не решился спросить. Боялся, что для мамы этот повод приехать за документами — что-то вроде мести отцу, мол,

посмотри, я все смогла сама, сын взрослый, смотри-смотри, мерзавец, сколько ты упустил. А Мур сомневался, что понравился бы отцу. Тот — геолог-экспедиционер, такие ценят сыновей крутых, у которых руки откуда надо растут, а Мур ниже всех парней в классе и кем быть — до сих пор не знает. Мама хочет, чтоб он стал экономистом. Отчиму — плевать кем, главное, чтоб на шее не сидел.

В Китай-то захотелось, когда отчим влез на пьедестал с этим карьерным достижением и завел лекцию, как надо ценить возможности, которые он, специалист незаменимый, им всем теперь предоставляет. Наверно, Китай — идея крутая, другая жизнь и все такое, даже отчима можно бы потерпеть.

Но Урал — это тоже другая жизнь. И возможности. Самый край Европы, за горами — уже Азия. И город этот, на холмах, прорезанных логами, на берегу широченной реки, за которой синий океан тайги, правда странный. Как будто на голограмму современного многоэтажного города с бесшумными сверкающими трамваями и красными автобусами наложили другую — старинного городка с нарядными игрушечными особняками. Колдовство какое-то. Эти старинные домики среди теснин многоэтажек, заваленные снегом чуть ли не под самые крыши, со столбами белого дыма над трубами — серьезно, там печки топят! — казались декорациями к фильму про царскую Россию. У деда дом почти такой же, врос в грунт, как кусок уральской геологии, кирпичным первым этажом. А второй — из бревен, почерневших лет за двести-триста. Мур таких домов и не видел никогда. Наследство, ага.

И двор еще, и... Неужели в домике этом правда можно пожить?

А дед-то добрый. Он обрадовался Муру. Может, ему не важно, какой Мур, тощий или мощный? Главное, что внук.

— Давай за дедом и к нотариусу скорей. Потом я в гостиницу, — сказала мама, не отрываясь от экрана телефона. — Ты со мной, или у деда уже останешься?

— Я хочу с ним поговорить.

— Ох, ну зачем тебе это все? Пожил бы до лета один, — опять завела мама волшебную сказку, которая с сегодняшнего дня уже не имела значения. А мама все в нее верила: — Подучил бы китайский, приехал к нам, поступил бы в университет, потом...

— Мам, не начинай опять. Я справлюсь. Сама подумай, на кой я вам там сейчас? Какой мне там университет без языка? Осмотрюсь тут, а там и лето, и день рождения. Никакого разрешения не надо будет, захочу — действительно к вам приеду. На каникулы.

— А может, и правда, тут поступить проще, а потом в Петербург переведешься. Господибожетымой, обидно. Я так старалась уехать, а ты...

— Мам, да ну что ты сразу? Что я тебе, деревяшка, чтоб меня гвоздями к одному городу приколачивать? Мир большой, городов много. Поживу, посмотрю. Тут вон как интересно.

— И девочки красивые.

— Девочки везде красивые.

— Эта малахитница — хитрая какая-то, мне показалось.

— Ну мам!

— И дед тоже чего-то хитрит. Может, пестерь передать хочет?

— Что передать?

— А, так, суеверия... Давай уедем, Мурашка? Ну, не поедешь с нами сразу, правда один поживешь до лета, все-таки подготовка, репетиторы...

— Мам, обещаю, что поступлю летом, не волнуйся. А вообще... Ну пойми. Я просто не хочу быть лишним. Я уж столько лет... терплю. А тут отчима нет, терпеть не надо будет! Можно просто жить. Тут я вроде не лишний, вон как дед обрадовался. Да, и разобраться надо. И вообще — мам, ты только посмотри, какое тут все... Даже мороз не злой, а зима — синяя. Как в волшебном мире. Другое.

— Другое, да. Ты поэт, Мурашка, — грустно сказала мама. — Хочется — оставайся. Я же счастья для тебя хочу. Но мне страшно. Раньше на глазах тебя держала и знала, что ты в безопасности, а теперь живи и бойся, как ты тут. Урал — опасный край, другой, люди другие. Не злые, да, но... Не знаю. Другие.

2

Гирлянду пришлось переплаивать, звук устанавливать, потом декорации таскать — да хоть сто декораций, этих фанерных щитов, хоть тысячу, раз об этом та самая одноклассница Богодай попросила.

Глаза у нее большие зеленые или неизвестно какие там под малахитом, но это и не важно. А еще она умная. Как слушала, как смотрела! Зовут ее смешно, «Долли», но Мур быстро привык. А еще как карамелька на вкус, сладкая ледышка — Долли. Долли Богодай. На самом деле просто Дашка она, но вот

вычитала в десятом классе в «Анне Карениной», что там героиню Дарью Облонскую как-то неожиданно не по-русски «Долли» зовут, и сразу решила, что так, мол, взрослее. Мур совершенно обалдел от «Анны Карениной» — кто ж сейчас такое читает? Точно, здесь другой мир, другие люди. Он-то еле «Войну и мир» домучил в десятом, да и то лишь из-за Пьера, тезка же, Петр. А Муром он сам себя прозвал года в три. Нормальное имя, может, и короткое, но зато только его.

С утра они вдвоем были, кажется, во всей школе одни, как на Приполярном Урале, и через час уже целовались, и она обняла его, как никто никогда, и прошептала: «Мурчик, какой же ты худой!» Кобальт намалеванных деревьев на декорациях ожил, они зашевелили ветками, куда-то полетел снегирь, щедро и мягко посыпался с белого потолка снег...

Потом пришли одноклассники, еще человек семь. Долька без комплексов льнула к Муру на глазах у всех, и парнишки вроде напряглись сначала, помрачнели, а может, показалось. Нормальные парни. И девчонки тоже. Говорок только у них смешной. Ну и смотрят все, смотрят. Присматриваются. Рослые все, крепкие, что он им — мелкий, ростом не выше Дольки. Ну и пусть.

Потом резко стало некогда, повалила младшая школа: ни одной снежинки или зайца, все больше медведи, да Огневушки-поскакушки, да Данилушки в фартуках с картонными молотками, и еще девчонка высокая, худая-худая, вся в синем и с длинными синими косами из пряжи — неужели Синюшка? Забегали учителя и родители, началась елка. Долька засияла в центре зала, как все уральские изумруды

сразу. Какая же она красивая, темноволосая, зеленоглазая! Вот ведь тайная сила!

Мур следил, чтоб со звуком все было нормально, и смысл представления улавливал постольку-поскольку, а между елками они опять целовались. И ели яблоки.

Вечером Мур проводил Долли и шел домой в странное это место Разгуляй. Он улыбался. Ксенон двойчатками сиял сквозь пар, бесшумно плыли мимо космические трамваи в новогодних огоньках. Мороз пер синий, как деревья на декорациях, щипал лицо. И опять все пахло яблоками. Снег повизгивал, жесткий. Стужа. Правильно Мур все-таки решил здесь, в этом синем городе, остаться. Так маме с отчимом проще делать вид, что они — обычная семья, папа-мама-близнецы, без отягощения в виде добрачного пацана.

Близнецам теперь другая жизнь, китайская, можно посочувствовать. Они хоть и младше его на два года, а уже переросли, лоси, одни девки на уме. Сами белобрысые, как финны. Хоккеисты. А он — другой, невысокий, темноволосый. Мурашик, как мама зовет. В дедову породу, оказывается, в отцовскую. Одно лицо с молодым отцом со старых фоток, что дед вчера показывал — и фотки тряслись у него в руках. Бедный. Ну ничего, успокоится.

Раньше Мур думал, что остался из жалости к деду, а теперь и сам не понимал почему. Долька же. Повезло. Интересно, не знай Долька, что он из Петербурга, стала бы так ластиться? Может, если все нормально будет, на весенние каникулы — в Петербург? Мама ключи ведь оставила. И в квартире там никого не будет!